

Хроники простого волшебства

Автор:

Надежда Мамаева

Хроники простого волшебства

Надежда Николаевна Мамаева

Семь рассказов о сказочном и повседневном, о том, что случилось давным-давно, и том, что только ещё произойдёт. Но всех их объединяет одно. Чудо.

Здесь поведаёт историю девушка с характером из стали, а тамплиер развернёт свиток со своим резюме.

Здесь о чуде, глядя глаза в глаза небесам, попросит обычный хирург, и его слова услышат.

Здесь судьба столкнет, как флаеры на полном ходу, два непростых характера, а суровый генерал космofлота вздрогнет, поняв, что его ожидает.

Здесь получат в дар исполнение одной мечты два одиночества.

И только здесь старинная легенда оживет в танце снежного вальса.

Надежда Мамаева

Хроники простого волшебства

Резюме для тамплиера

Ремар грустно вздохнул, подпер кулаком щеку и обмакнул перо в чернильницу.

Вот уже год, как закончилась война с кланом драконов Северных гор. Удача сопутствовала не крылатым рептилиям, как можно было бы подумать, а людям. Последние задавили драконов вовсе не стратегическим талантом, и даже не мощью магии. Нет, простой численностью, налетев как саранча. А против саранчи, тараканов и клопов, как известно, бессильны даже заклятия десятого уровня архимагов.

Ремара всегда это поражало: изобрести новое заклятие для упокоения высшей нежити, рассчитать вектора (или как называют чародеи направление своей силы?) для того, чтобы обуздать селевой поток – это у магов в порядке вещей. А вот вывести саранчу в южных угодьях – тут наделенные даром колдовства, видите ли, бессильны.

Победа в войне досталась нелегко. Из тамплиеров, отправившихся в тот поход, домой вернулся лишь каждый сотый. Ремар оказался тем самым одним против девяносто девяти погибших. Он принес с той войны седину, что знатно выбелила черный волос, росчерки шрамов по всему телу и след от стрелы, что просвистела в одном из сражений рядом с виском.

Именно после той битвы, что сделала Ремара меченым, глава клана драконов и склонил голову перед королем и ковенем магов, согласившись заключить договор. По условиям одного теперь в вотчине ящериц оставались лишь самые заснеженные пики, то время как плодородные долины и золотоносные жилы отошли людям.

Казалось, война закончена. Быстрая, победоносная, но захлебнувшаяся в реках крови, и Ремар с уцелевшими рыцарями вернулся домой. Но тут оказалась, что владыке более не нужны тамплиеры, некогда бывшие мечом и щитом державы.

Ныне монарх расширил империю до естественных границ, как то: горная гряда и море с востока и юга, перевал вечных снегов – с севера и три политических брака с запада. Дочек у правителя имелось изрядно, еще семь штук на выданье: мужик был деятельный, натуры горячий и любвеобильной. По этой самой причине, от жаркого темперамента он спалил уже третью супругу, не выдержавшую императорской страсти и сменившую ее на вечную прохладу родового склепа. Правитель же, отбив в трауре положенный год, уже

заглядывался на четвертую, втайне лелея надежду, что хотя бы в одиннадцатый раз, с новой императрицей, у него таки получится наследник.

В общем, неутомимый монарх, в чаяниях о своей державе, решил, что повоевал достаточно и пора бы уже наводить порядок на вверенных ему территориях. А жажда порядка, она же как диктатура – тотальна и не терпит исключений.

Посему самодержец подсчитал, во сколько ему обойдется содержание изрядно потрепанной армии, которой и воевать-то теперь особо не с кем, сколько нужно кормить голодных ртов здоровых мужиков в самом расцвете силы, выплачивать пенсионных пособий... И издал указ, что отныне войска тамплиеров распущены. Причем подписал его задним числом, чтобы на посмертные компенсации семьям не столь много пришлось из казны отжаловать.

Также распустил монарх и пушкарей, и половину флота, и даже погонщиков орланов – здоровенных пернатых тварюг, что составляли ударную воздушную силу в последней войне, и тех урезал на треть. Неприкосновенны остались лишь боевые маги (попробуй их сократи – сразу штурм дворца с горящими фаерболами наголо организуют, да ковенном своим прикроются) и кавалерия. Последняя еще до войны была кастрирована самодержцем до роты почетного караула в сотню человек.

В итоге остался Ремар не у дел. А куда податься тому, кто с тринадцати лет – в седле да на войне? И другого не умеет, как сражаться? Год тамплиер перебивался случайными заработками. То упырей упокоит на жальнике, то волкодлака освежает, то блазня приструнит.

Селяне охотнее нанимали рыцаря, чем мага. И дело было не в том, что простой люд чурался дипломированных чародеев, считая их поцелованными нечистым. Все гораздо проще: тамплиер брал за свои услуги меньше.

«Сбиваешь нам цену», – зло процедил как-то в таверне один маг из тех, что шлялись по трактам в поисках заказов на свои услуги. Тогда Ремар лишь усмехнулся и развел руками, еще не подозревая, что беда под лютым именем «конкуренция» нависла над ним. А спустя две седмицы то ли соперники постарались, то ли просто пришло время, но...

Гром грянул в одном из сел, когда тамплиер принес селянам, как и было сговорено, голову василиска. Ремар передал мешок с башкой ящера-статуедла старосте деревни. Мужик, почесав затылок, раздернул горловину, убедился, что это не тыква, а действительно усекновенная часть гада, о коей договаривались, и полез за пазуху, чтобы достать гонорар. Тут, откуда ни возьмись, нарисовался пошлинник.

Он вырос словно из-под земли и предвкушающие потер руки:

– Так-так, что тут у нас? – спросил этот крюкотвор, наделенный императором правом сбора налогов, а ковенем магов – амулетом, не позволявшим намылить государеву человеку шею.

Зачарованная бирюлька гордо красовался на шее сборщика налогов, давая понять всем и каждому, что владельцу сей магической цапки оплеуху отвесить не получится, как, впрочем, и угрожать расправой.

Окончательно же осмелевший пошлинник подошел к оторопевшему голове, выхватил из его рук мешок и сунул свой налоговый нос в горловину.

– Ага! – он искренне улыбнулся, предвкушая поживу. – Найм на разовую работу. Причем не только не задокументированный, но и не лицензированный. Или у вас имеется расписка? – он обратился к старосте, а потом перевел взгляд на Ремара и уточнил уже у него: – А у вас лицензия на непромысловую деятельность среди магических существ есть?

Тамплиер понял, что вляпался. Вот бывает, что по неосторожности наступишь в коровью лепешку, а тут – в цельного пошлинника. И хоть собиратель податей и вылетел не из-под коровьего хвоста, а был произведен на свет императорским указом, призванным наполнить казну, запашок неприятностей был от налогового куда ощутимее.

Чутье не подвело Ремара. Уже к полудню тамплиер оказался без оговоренных в уплату умерщвления василиска двух серебрушек, зато с предписанием явиться в столичный отдел пошлинников для уплаты штрафа.

Рыцарь было хотел отдать сборщику требуемую сумму на месте, но тут амулет на шее налогового засветился. Как позже пояснил староста: «Эта бирюлька не

только не позволяет обидеть служивого человека, но и, зараза такая, не дает дать взятку пошлиннику». О последнем свойстве амулета, кажется, сожалели все трое. Староста – по причине того, что мог бы отделаться малым (видать, дедок не первый раз встречал вытчика на своем веку, раз знал и расценки, и свойства охранки у последнего). Ремар – от того, что нужно будет явиться в столицу, а это изрядный крюк. А пошлинник – что мзда проходит мимо его личного кармана.

Спустя неделю тамплиер, выходя из здания отдела, с остервенением смял бумагу. Читать Ремар не любил хотя бы потому, что грамоту изучал урывками, в перерывах меж военными походами. По этой причине – читал он медленно и только по слогам. Счета сей навык не касался: вычитать, складывать, а также делить и умножать, если дело касалось его жалования, тамплиер умел быстро.

Однако ему хватило умения складывать буквы, чтобы понять намалеванную на воротах надпись «Осторожно! Собака злая, цепь старая», или вывеску «Едальня», или как ныне – суть выданного ему предписания. Смысл распоряжения был прост: либо в ближайшую декаду рыцарь Ремар обзаводится лицензией на промысел неразумной и условно разумной нежити и дальше продолжает скитаться по трактам, предлагая свои услуги, либо в следующий раз штрафом уже не отделается. К слову, эта самая уплата штрафа вычистила до дна весь кошель рыцаря, оставив тамплиеру на все про все жалкие пару медяков.

Ремар был зол. Лицензия стоила дюжину золотых, которых у рыцаря не было.

Голод – не тетка, а мать родная, напомнил о себе урчанием в животе. Рыцарь взгрустнул. Еще год назад он пробовал найти работу в столице. Но ни в пекари, ни в ткачи Ремар и сам понимал, что не годится, а вот на такую должность, как «учитель фехтования», затребовалось таинственное «резюме». Что это за зверь такой, тамплиер узнал потом. А тогда, придя справиться о том, свободна ли должность, он удостоился оценивающего взгляда богатенького аристократа-толстопуза и процеженного сквозь зубы: «И где же ваше резюме?».

Сейчас же, обойдя с дюжину таверн, заглянув к обознику, которому требовались охранники поплечистее и посмелее, и вельможе, что хотел пополнить ряды своих телохранителей, Ремар убедился: в столице за год все помешались на этом самом резюме.

«А ведь еще недавно лучшей рекомендацией было честное слово или письмо, – рыцарю на ум пришла невеселая мысль. – А сейчас...»

Тамплиер, грешным делом, уже подумал, что этот самый свиток, где красиво выписаны умения-заслуги-обязанности, есть в городе даже у исконных обитателей канав и подворотен. И возрадовался, что хотя бы на трактах и в деревнях об этой пергаментной напасти еще не слыхали.

И вот сейчас Ремар сидел за столом в едальне, перед ним лежал лист. Подле стояла чернильница, а капля на пере вот-вот готова сорваться в недолгий полет и оставить ядреную кляксу.

Тамплиер задумался. Он не знал, ни что писать, ни о чем, ни как. Взгляд его блуждал по потолочной паутине, рука, привычная к крестовине меча, сжимала чуждое перо.

– Помочь? – звонкий голос вывел рыцаря из состояния задумчивости, которое некоторые ошибочно путают с последней стадией лени.

Тамплиер оторвал взгляд от паутины и перевел его на того, кто решил его потревожить. Капля с пера сорвалась и основательно пометила пергамент. Ремар ругнулся про себя и сурово посмотрел на пацана, что стоял напротив.

Тощий настолько, что мог посрамить стиральную доску, невысокий вихрастый малец шмыгнул веснушчатым носом и, ничуть не испугавшись грозного взгляда, повторил вопрос:

– Я говорю, помочь с грамотой-то? Вы, господин хороший, не думайте, я пишу отлично, складно, красиво, быстро. Все что хотите: и жалобку какую, и заявленьце, и любовное послание могу, и даже резюме... Чего только пожелаете. Зачем такому представительному мужчине руки об чернила марать?

Ремар глянул на пальцы наглеца: те и правду были все в синих чернильных пятнах. А еще тамплиер услышал заветное слово «резюме». Рыцарь положил перо рядом с чернильницей.

– И сколько, шустрый, ты берешь? – начал торг тамплиер, щуря зеленым глазом.

– Да сущую мелочь. Медьку всего, – парень назвал такую цену, с которой торги не начинают. Такой – только их заканчивают.

Ремар прикинул, что у него как раз осталось две монетки, хлопнул ладонью по скамье рядом с собою:

– Медьку, говоришь? Ну тогда садись и пиши, – и в доказательство своих слов выложил медный кругляш на столешницу.

Паренька, что напоминал лисицу, дважды приглашать не пришлось:

– О чем писать? – спросил он, схватившись за перо и придвигая пергамент с кляксой. – Любовное послание? Или, может, сразу оду даме сердца? У меня тут как раз один шаблончик есть...

– Нет, – обрубил тамплиер воодушевившегося мальчика. – Не надо мне этих одов. Мне это... резюме.

Малец вздохнул, а потом, левой рукой засучив рукав на правой, склонился над пергаментом и уверенно выписал рунами: «Резюме». Ремар прочел медленно и по слогам. Малец же покосится на «заказчика», дескать, – смотри, не вру, писать умею и быстро. Да еще и грамотно.

– Дальше. Что застыл? – спросил тамплиер.

– Так чтобы писать, мне надо знать что.

– А ты не знаешь? – удивился рыцарь. – За что тогда деньги просишь?

– Уважаемый воитель, вы не поняли. В резюме нужно описать ваши достоинства, ратные подвиги. Чтобы оно красивым было и ваш работодатель, прочитав его, захотел именно вас взять к себе... Расскажите о том, какой вы, чем прославились а я это все красиво оформлю.

И тут Ремар крепко задумался. Его награды – это в основном шрамы на изрядно дырявой собственной шкуре. Рода он опять же простого, рыцарство получил после того, как в пятнадцать лет, будучи оруженосцем, сумел повести за собою

боевую сотню. А случилось это в Бреморе, в долине говорящих барханов. Его мессир, сраженный во время битвы стрелой, мертвым упал с коня на землю. Юный Ремар поднял его штандарт, закинул за спину щит господина, запрыгнул на коня и понесся на врага. Боевая сотня, видя знамя и скачущего впереди сотника, чей щит блестел на солнце, поскакала следом. И лишь после победы в кровопролитном бою оказалось, что их предводитель – безусый юнец.

Отвагу юноши отметили рыцарством. Но к титулу не полагалось ни земель, ни денежной награды. Монарх, как всегда, был экономен. Вот так и получилось, что Ремар из Заболотья стал рыцарем Ремаром де Бримор. Ничего не поменялось, кроме того, что имя тамплиера поднялось в общем списке воинов чуть выше, исключительно из-за алфавита.

Что же до навыков, то рыцарь честно перечислил писарю, что владеет двуручным мечом, умеет сражаться как конным, так и пешим. Неплохо стреляет из лука и метает копье.

Пацан же, чем дольше слушал, тем больше грустнел, и, когда тамплиер закончил, печально уточнил:

– То есть ни штопать, ни печь пирожки не умеете? Ну, может, хотя бы целоваться?

Нет, Ремар, конечно мог сварить кашу в походном котелке, и результат его кулинарных ухищрений был даже съедобный. Такая еда в животе самого автора шедевра почти не бурчала. Но это правило не касалось неподготовленных походными тяготами желудков простых обывателей.

То же самое и со штопкой: залатать прореху в рубахе Ремар был в состоянии, но на красоту стежков ему было искренне плевать, впрочем, как и на цвет ниток. Поэтому заплаты, наложенные тамплиером, отличались исключительной прочностью и могли с легкостью контузить эстетический вкус неподготовленного зрителя.

А что до поцелуев... Ну некогда было тамплиеру в походах особо практиковаться. Хотя тут дела обстояли чуть лучше, чем с кашей и штопкой, но все же до уровня, который хотя бы с натяжкой можно было бы назвать профессиональным, рыцарю было далеко.

Малец вздохнул, потом тряхнул курчавой головой и, закусив губу, решительно придвинул текст. Писал он быстро, убористо, и что-то периодически бормоча себе под нос.

До слуха Ремара долетали обрывки загадочных фраз: «Ну, если не умения, то обязанности», «супербонус», «суровая внешность – это у нас сойдет за умение убеждать...»

Наконец, рыжий выдохнул и отодвинул от себя пергамент, на котором бисерным почерком убористо были выведены строки. Много строк.

У Ремара аж в глазах зарябило.

Пацан же ловко сграбастал со стола деньгу, и, поднимаясь, спросил:

– А вы, уважаемый рыцарь, куда это резюме понесете?

– К объездчику диких йейлей и в гильдию вышибал... – растерянно протянул тамплиер, пытаясь вчитаться в ровные, но дюже мелкие строки.

– Э... тогда вам два экземпляра нужно, – заметил писарь.

– Зачем это? – удивился в свою очередь рыцарь.

– Ну как... Этот же лист вы у одного оставите...

И тут Ремар понял, почему этот шельмец запросил один медяк. Но упрекать пацана в хитрости не стал. Писарь ведь честно отработал свой медяк, сочиняя про него аж цельный лист Про Ремара ни разу в жизни зараз столько не писали.

Потому рыцарь лишь попенял на себя-дурака, что повелся на уловку, и тут неожиданно услышал:

– А вы идите сегодня в контору сводника по должностям. Оставьте это резюме у него. А он вам сам на выбор завтра несколько вакансий предложит.

Ремар нахмурился. Что такое «место», «должность» – он знал, но вот «вакансия»...

– Ва-кан-сия? – по слогам произнес он вопросительно.

– Ну да, та работа, которая вам подходит, – охотно пояснил малец.

Ремар уже понял, что терять ему, кроме одной медьки, особо нечего (меч, доспех и коня он не считал ценностью, для него они были как те же волосы и кожа для обывателя – неотделимы от него самого), потому внимательно выслушал, где можно найти этого «сводника». Потом тамплиер скатал лист с резюме в трубочку и направился по указанному адресу. Он не видел, как пацан, уперев нос, спрятал монету за пазуху и скрестил пальцы, подняв очи вверх. Писец разглядывал потолок с видом мольца, словно просил у закопченной потолочной балки как минимум чуда, как максимум – личной аудиенции, причем не на небесной, а на земной территории.

Дошел Ремар до указанной конторы быстро. Постучал в дубовую, обитою железом дверь, и когда на пороге появился круглый, как колобок, и лысый, как коленка, мужичок, дышавший тамплиеру в грудь, рыцарь спросил:

– Сводник по вакансиям здесь?

Мужичок кивнул и робко отступил, пуская гостя внутрь. Ремар решительно вошел, держа в руке резюме. Комната оказалась на удивление светлой, просторной и с высоким потолком. Пока тамплиер оглядывался, мужичок зачастил, правда, жутко картавя:

– День доблый, господин лыцаль. Чего изволите? Подоблать олуженосца? Слугу? У меня самый шилокий список соискателей и все – с лезюме, – последнее он сказал с такой гордостью, словно у него были не пергаменты с именами-навыками, а как минимум породистые борзые щенки.

– Нет, уважаемый, у меня к вам тоже... резюме, – с этими словами он протянул скрученную трубочку пергамента.

Хозяин деловито взял документ, развернул его и вчитался. Его глаза быстро бегали по строкам, а из уст слышалось: «Занятно-занятно», «ничего себе!», «вот это да!».

Ремар слегка занервничал. Тамплиер сам по пути сюда пытался несколько раз продраться через нагромождения рун, но спотыкался уже на первой строчке, а потом плюнул и решил «была не была».

Наконец, сводник окончил чтение и, свернув пергамент, спросил:

- А где уважаемый лыцаль остановился.

Тамплиер чуть было не ляпнул «под ближайшим забором», и это было бы истинной правдой – денег на постой у него не было, но сводник перебил его:

- Вплочем, вы сами можете завтла зайти, я подбелу для вас несколько вакансий. У вас очень многообещающее лезюме.

Ремар на это лишь вздохнул и заверил, что явиться завтра пренебреженно. В полдень.

Рыцари – народ суровый. Суровый, но привыкший держать слово. На следующий день, ровно с последним ударом обеденного колокола, Ремар перешагнул порог конторы сводника. Тамплиер особо уже ни на что не надеялся, поэтому и помыслить не мог, что его обрадуют предложениями о работе аж три дюжины человек. Четверо самых рьяных уже топтали пол конторы, в жажде заполучить себе столь перспективного работника, как Ремар.

Сводник улыбался и потирал руки, собрав с каждого из работодателей по пять медек, как выразился хозяин «за возможность беседы со столь ценным кадром лично». А после препроводил Ремара в небольшую комнатку. Спустя несколько вздохов к тамплиеру по очереди стали заходить наниматели. С каждым рыцарь обстоятельно беседовал. Его спрашивали о многом, начиная с биографии и кончая выяснением того, насколько рыцарь терпелив. Со всеми тамплиер был учтив в меру своих знаний этикета.

Но когда дверь за четвертым работодателем закрылась и рыцарь хотел уже было перевести дух, створка неожиданно приотворилась, и в комнатку просочился еще один, а за ним еще и еще. До конца вечера Ремар побеседовал с почти тремя дюжинами нанимателей.

Сводник восхищенно потирал ладони, цокал языком и смотрел на рыцаря взглядом старателя, нашедшего-таки золотую жилу.

– Ну? Кого выбрали? – осведомился этот низкорослый толстячок, и от избытка эмоций добавил: – Обычно у нас наоборот – один работодатель и толпа соискателей, но вы такой кадр, такой кадр... За вас определенно стоит побороться.

Ремар задумался. Размышлял он минут десять, а после вспомнил старика из оружейной палаты, который искал себе замену. Дескать, сам уже стар, руки меч держать не могут, а оружия-то много, за всем следить надо...

Тамплиер выбрал это место еще и оттого, что в железе он разбирался гораздо лучше, чем в людях, а общение с мечами и алебардами было ему привычнее, чем с теми же посетителями едален, устройся он вышибалой или телохранителем.

Сводник удовлетворенно кивнул.

Уже на следующий день Ремар был зачислен младшим оружейником с жалованием в два золотых в месяц.

Так потекли дни, а затем и месяцы. Тамплиер откладывал деньги на свою мечту о лицензии вольного охотника на неразумную нежить, и нет-нет да и задавался вопросом: что же такого было написано в том резюме? Тот пергамент, к слову, он у сводника забрал, как разводила ни сокрушался. И порою вечерами пытался прочесть. Даже продвинулся на целый абзац. Проще всего было бы попросить кого-то прочитать, но тут оцетинивалась рыцарская гордость.

А потом Ремар решил, что прежде, чем пытался продраться через витиеватости фраз самому, то стоит самостоятельно обучиться хотя бы письму, раз уж чтение он с горем пополам освоил. Он даже для совершенствования грамоты купил себе детскую книжку и стал корпеть над прописями по вечерам.

А еще приличное жалование позволило бывшему тамплиеру купить себе новую, взамен поизношенной, одежду, снять вполне сносную крышу над головой, нормально есть в недорогой, но опрятной таверне. Хозяйка последней, к слову, молодая вдовушка, заметив плечистого посетителя, начала лично его обслуживать.

Каждый вечер она подплывала лебедушкой, непременно в чистой рубахе с выразительным вырезом, утянув свои выдающиеся прелести и крутые бедра в корсет, в подражание столичным модницам, и спрашивала самым ласковым голосом, что желает постоянный гость ее едальни. А получив заказ – правой шла по залу его исполнять. Приносила все опять же на подносе сама, лично, призывно заглядывая в глаза Ремару.

В общем, жизнь бывшего тамплиера шла своим чередом, монеты копились в кошеле, а цель стать странствующим охотником – все отдалялась. Ее блеск подернулся дымкой налаженного быта, а начищенный доспех все чаще со вздохом убирался в сундук. Потом, правда, опять доставался, но...

Однажды вечером, отложив пропись, Ремар осознал, что со дня его приезда в столицу прошел ровно год. Время пролетело незаметно, он уже вполне быстро читал, а чтобы написать слово, ему уже не нужна была простыня. Он достал заветное резюме и под треск свечи вчитался в текст. И, о чудо! Написанное стало ему доступно и понятно. А строки бисерного почерка гласили:

«День добрый, я Ремар, бывший рыцарь, и я ищу новую работу.

Я могу быть вашей правой рукой, левой пяткой, носом, глазами, ушами и даже мозгами.

В общении легок настолько, что могу договориться и с детьми, и со стариками. В меня влюбляются без памяти адепты обоего полу, художники и поэты, роженицы, суровые воины и даже монашки с монахами.

Готов выполнить любую работу и даже больше, если буду уверен, что это действительно нужно вам, моей стране, и будет оплачено по достоинству.

Я не буду закапывать с вами труп вашего врага, но знаю дюжину способов, как избавиться от мертвого тела в условиях снятой на ночлег комнаты, не привлекая внимания соседей, а также найду семь контор, которые смогут это сделать за вас, не задавая вопросов.

Легко обучаюсь, адаптируюсь к любым условиям. Заявляю это как человек, работавший и в палящий зной в долине говорящих барханов, и не единожды побывавший в командировках на вершине Снежного хребта. Вынослив, как вол, легок на подъем, как грифон. Обладаю уникальным навыком быстро анализировать ситуацию.

Взяв на вооружение мудрость торговцев, завел себе тетрадь с полезными адресами и советами на все случаи жизни и смерти. Мои знания и опыт помогут вам найти все, всегда и везде. Я помогу в поисках повитухи для вашего любимого паука, найду ландыши в разгар зимы для люто любимой тещи, сочиню серенаду и очарую двоюродную сестру подруги секретарши важного заказчика.

Мои военные навыки и опыт помогают мне вовремя взять тряпочку и заткнуть ею свой рот, если начальник не в духе. Или же произнести с полным пониманием: «Да! Так точно. Будет исполнено».

Если этого требуют обстоятельства, могу превратиться в кого угодно, даже в Темного властелина. Хладнокровен, пунктуален. Довожу начатое до конца в установленные сроки.

Мои познания обширны и подкреплены практикой во многих, да что там во многих, практически во всех областях. Я могу продать печь пустынноку и морозильный шкаф ледяному дракону, вести бухгалтерию (если нужно – то и подземными переходами, если нагрянут налоговики с проверкой), расхвалить лежалый товар так, что его оторвут с руками и даже поменять подгузник детенышу тролля.

Знаю все об оружии и бое, торгах и дипломатии (могу даже убедить женщину, готовую заложить мужа в меховой лавке ради шубки, что та ее безумно полнит), легко переношу любые погодные условия и способен работать даже под свист стрел над головой.

Разговариваю на двух языках свободно: имперском и всеобщем матерном, а также владею деловым языком жестов (особенно хорошо получаются фигуры из одного и трех пальцев). Способен понимать иностранцев по интонации.

О себе:

Родом из Заболотья, а тому, кто сумел вырасти в этих топях, уже ничего не страшно. Посему – здоровья отменного, и не свалюсь с простудой, даже если все вокруг будут кашлять, выплевывая ошметки легких. Юность провел в седле, оруженосцем, объездив пол-империи. По этой причине отлично разбираюсь в картах и ориентируюсь на местности. Не только не потеряюсь среди тущоб и городских лабиринтов, но и в лесу, степи, болотах, а также выведу всех куда надо. Молод, не женат, детей нет. Потому могу работать с утра и до вечера, не отлучаясь на больничные детям и очередные роды жены.

Особые навыки

Умею штопать и готовить.

Хорошо целуюсь.

Могу нашинковать врага и колбасу мечом за пару вздохов

Думаю головой, люблю сердцем, чую жопой и никогда не путаю эти три понятия.

P. S. А при личной встрече вы, помимо всего прочего, сможете почувствовать всю силу моего обаяния.»

Прочитав последние строки, Ремар нервно икнул, отложил в сторону пергамент и на негнущихся ногах подошел к столу, на котором стояли кувшин с водой и стакан. Он взялся за горловину кувшина и начал пить жадными глотками.

А потом и вовсе вылил остатки себе на голову.

«Лучше бы я так и не научился толком читать, – была его первая связная не матерная мысль. Вторая, впрочем, оказалась еще более эмоциональной: –

Придушу гаденыша рыжего! Так опозорить воина. Это же надо, кем этот паразит меня только не обозвал». Но потом, поразмыслив, бывший тамплиер все же пришел к выводу, что свое дело резюме сделало: работу он нашел, причем хорошую, по душе.

С такими думами Ремар решил прогуляться по городу, чтобы окончательно выветрить из головы гневные мысли. Ведь руки нет-нет, да и сжимались в кулаки при воспоминании о строках, написанных ушлым пацаном.

Ремар шел по булыжной мостовой, и сам не заметил, как ноги вывели его к той самой таверне, где ровно год назад писарь за медьку изменил его жизнь. Рыцарь уже было хотел пройти мимо, как двери едальни распахнулись, и наперерез ему выскочила девица. Рыжая копна кучерявых волос, в одной руке пергамент, во второй – подол.

Она на всей скорости влетела в широкую грудь Ремара, выронив свиток. А за ней следом выскочил поддатый бугай с заплывшими глазами и криком:

– Паршивка неблагодарная! Отдай деньги, ведьмино семя. А то я тебя... – и мужик недвусмысленно потянулся к поясному ремню.

Рыжуха, в которой Ремар признал своего писаря, сдавленно ойкнула и попыталась поднырнуть под руку рыцарю. Но от воина так просто не уйдешь.

Ремар перехватил ее запястье и вкрадчиво поинтересовался:

– Что происходит?

Будь он по рождению благородным, то непременно поинтересовался бы другим: не нужна ли даме помощь? Окажись он не рыцарем, а горожанином, то и вовсе прошел бы мимо. Но Ремар был воином. А воин привык в первую очередь разведывать обстановку.

– А не твоего ума дело, – пьяно, а потому бесстрашно возразил преследователь. – Она, ик, моя падчерица, а ты ей никто, так что проваливай.

Ремар при этих словах сжал челюсти: да, он знал, что есть такой закон, что позволяет распоряжаться судьбой своих дочерей главе рода. И стороннему вмешиваться в дела семейные – не след.

Но тут рука тамплиера почувствовала, как вздрогнули девичьи плечи. Он увидел, как глаза рыжей наполнились слезами. А потом цепкий взгляд отметил и синяки на шее, прикрытые воротом платья. И потому тамплер произнес лишь одно слово, обращаясь к рыжей:

– Обидел?

И девчонка разрыдалась, прижавшись к его груди.

– У... паскуда, к чужому мужику жметя. Вся в мать-покойницу. Такая же шлюха выросла. Но ничего, Карл из тебя всю дурь выбьет, а потом в монастырь отдаст, пока ни под кем побывать не успела, – в пьяном угаре заявил мужик и добавил: – Че, не ждала, лярва. Глазищами-то как захлопала. Монастырь – это дело хорошее, благочестивое и прибыльное. За тебя мне уже настоятельница два золотых заплатила, так что давай, отдавай все заработанное за сегодня, и живо домой... Ик, готовиться стать небесной невестой.

Рыжая замерла. Все ее тело напряглось, словно от удара кнута. А Ремар был готов плюнуть на все законы и свернуть шею этому пьяному ублюдку. И плевать, что сторонний не смеет вмешиваться в дела семьи.

И тут, неожиданно для самого себя он произнес:

– Я ей не посторонний. Я ее жених.

Ремар хотел лишь мельком глянуть на девчонку, ободрить, усмехнуться, дать ей понять, что это все – игра. И замер. На него смотрели янтарные глаза, в которых смешались отчаяние и надежда.

– Жени-и-их... – насмешливо протянул пьянчуга. – Жених – еще не муж. Так что давай, Анма, марш домой, кому сказал.

– Это недолго поправить, – решительно прижав замершую рыжуху к себе, сообщил Ремар, и, уже обращаясь к девушке, спросил: – где здесь ближайший храм?

Она нашла в себе силы лишь кивнуть, и еще теснее прижалась к груди тамплиера.

А Ремар подумал: до какой грани отчаяния должна была дойти эта девушка, раз готова искать защиту у чужака?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/nadezhda-mamaeva/hroniki-prostogo-volshebstva>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)